

Культурное строительство в деревне и настроения крестьянства в период НЭПа (по материалам Северо-Запада России)

Культурное преобразование деревни стало в 20-е гг. одной из насущнейших социальных и политических задач укрепляющейся Советской власти. В первую очередь встала проблема ликвидации неграмотности, которая особенно острой оставалась в деревне. По данным переписи 1897 г., среди сельского населения России, было только 19,6% грамотных; на каждую тысячу жителей деревни, грамотных было только 187 человек,¹ а по материалам демографической переписи 1920 г., в сельской местности (губернии Европейской России) на тысячу душ мужского пола приходилось 596 неграмотных, женского пола - 793.² При этом ряды неграмотных продолжали пополняться значительным числом детей и подростков, что в конечном счете и предопределило сложности ликвидации неграмотности взрослого крестьянского трудоспособного населения (16 -50 лет). Грамотные в 1920 г. составляли 65,1%, что позволило составителям статистических публикаций о грамотности в России утверждать: «В среде мужского населения уже нет той безграмотной толщи, которая лежит еще большим слоем на женском населении».³

Наиболее грамотными оказались сельские жители промышленных районов (в том числе Петроградского), наименее - земледельческих. Довольно значительные колебания грамотности можно встретить и внутри губерний. При этом районы наибольшей грамотности простирались вдоль линий железных дорог и концентрировались вокруг крупных административных и культурных центров.⁴ Именно поэтому, еще в 1917 г. Наркомпрос совместно с государ-

ственной комиссией по просвещению в обращении к гражданам России подчеркнул, что первоочередной задачей просветительской деятельности является борьба с неграмотностью трудящихся. В декабре 1917 г. был учрежден Союз учителей-интернационалистов, повсеместно прошли съезды работников просвещения, принявшие решение помочь Советской власти одолеть неграмотность широких масс. В декабре 1918 г. Совнарком принял декрет «О мобилизации грамотных», в соответствии с которым все грамотное население страны привлекалось к разъяснению неграмотным сущности советского строя и политики правительства. 29 декабря 1919 г. Совнарком принял декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», в соответствии с которым: «Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте, на родном или русском языке, по желанию».⁵

Однако осуществление борьбы за грамотную деревню представляло огромную сложность. Сказывались консерватизм взрослого сельского населения, предрассудки, обремененность хозяйственными и семейными заботами. Убедить крестьян в необходимости учиться стоило больших усилий. Борьба за грамотность сдерживалась на первых порах крайне ограниченными материальными и финансовыми возможностями, нехваткой кадров, способных возглавить эту работу. Ликвидация неграмотности сосредоточивалась в руках Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности (ВЧК ликбеза), созданной при Наркомпросе декретом СНК в июле 1920 г. В губерниях, уездах и волостях органы ВЧК ликбеза развертывали агитацию среди неграмотных крестьян, проводили учет

Хришкевич Татьяна Георгиевна - аспирантка кафедры отечественной истории Псковского педагогического института им. С.М.Кирова

подлежащего обучению населения, открывали 3-месячные школы и пункты по ликвидации неграмотности, в которых учащиеся получали начальные навыки чтения, письма и счета. В последующем создавались школы грамоты с 10-месячным сроком обучения, дававшие знания в объеме двух классов начальной школы и сыгравшие положительную роль в решении задач ликбеза.

В северо-западных губерниях процент неграмотных взрослых (15-49 лет), охваченных системой ликбеза, в сельской местности составлял в 1920 г. 6,7% в Новгородской губернии и 3,5% - в Псковской.⁶

К концу 1920 г. из обученных грамоте по всей России 7 млн. человек значительную часть составляли жители деревни.⁷ Однако в начале 20-х гг. темпы и размах работы по ликвидации неграмотности в деревне снизились, государственные средства в первую очередь направлялись на развитие экономики страны. Перевод на хозрасчет изб-читален и других культпросветучреждений привел к закрытию многих ликпунктов. Материально-техническое обеспечение изб-читален в этот период было недостаточным. По данным на 1 ноября 1920 г., в среднем на одну избу-читальню приходилось всего 50 книг. Основную их массу составляли агитационные брошюры о войне с Польшей, с Деникиным и Врангелем и т.п. Такая литература быстро устарела, а новые книги, предназначенные для крестьян, только начинали создаваться и почти не поступали в деревню. Слабая обеспеченность книгами ограничивала возможность изб-читален по привлечению новой клиентуры: в 1920 г. в среднем на избу-читальню (по 20 губерниям Европейской России) приходилось 16 подписчиков.⁸ Сельское население, испытывавшее в то время серьезные экономические трудности, весьма равнодушно взирало на закрытие изб-читален, ликпунктов, библиотек, легко отказывалось от «дарового удовольствия» и не оказывало политпросветучреждениям практически никакой поддержки.

Однако на протяжении 20-х гг. число читателей изб-читален резко увеличивается: 51 чел. - в 1921 г., 385 чел. - в 1925.⁹ Теперь,

наоборот, от крестьян нередко можно было услышать жалобы на закрытие изб-читален. Так, только в декабре 1924 г. в Псковской губернии были закрыты читальни в Новоржевской и Холмской волостях одноименных уездов, что вызвало нарекания со стороны местных жителей, написавших об этом в прессу. В 1925 г. в Боровичской волости Порховского уезда год строилась изба-читальня, но так недостроенная и сгнила, а в «Псковском набате» появилась об этом заметка: «Год строят, изба гниет, избач пишет в волисполком. Бьется. Но ответа нет. Народ мечтал, что скоро полетится отсюда свет просвещения на нас, темных. А ее так и не построили».¹⁰

Повышается интерес крестьян к работам библиотек, красных уголков. В газетах все чаще появляются письма и жалобы крестьян на недостаточное количество требуемой литературы. Крестьянская газета «Псковский пахарь» неоднократно по настойчивым просьбам сельских жителей печатает под рубрикой «Книги в деревню» списки книг на сельскохозяйственную тематику. Вот лишь одна из таких публикаций за август 1925 г.: Н.Строев. Законы о земле. Доступное чтение для крестьян. Издание второе. 62 стр. Цена 10 коп.; Агроном А.В.Леопольдов. Сельскохозяйственные уголки в деревенских клубах и избах-читальнях. Как их устраивать; Крестьянский театр. Цена 5 коп.; Бич деревни.(Сифилис и как с ним бороться. Быль в стихах.) 72 стр. Цена 20 коп.; П.Модестов. Заповеди земледельца. Цена 85 коп.; Проф. А.О.Фабрикант. Что надо знать каждому земледельцу. Цена 5 коп.; О.В.Каркави. Как правильно кормить молочных коров. Цена 15 коп.; Крестьянин П.Ярков. Как получить высокие урожаи ржи. Цена 6 коп., и др. Всего в номере обозначено 36 наименований книг.¹¹

В то же время книжный фонд деревенских библиотек к 1924 г. продолжал оставаться неудовлетворительным: из советских изданий преобладали утратившие актуальность агитационные брошюры периода гражданской войны. В 1925 г. почти повсеместно началась чистка библиотек, закончившаяся в основном к 1927 г. Однако пересмотр книжного фонда

еще острее поставил вопрос о снабжении деревни новыми книгами. Жалобы на отсутствие современной литературы приходили отовсюду.

Отрицательное влияние на распространение грамотности повсеместно оказывала слабая материальная база ликбеза. Нехватка карандашей, перьев, бумаги, учебников была обычным явлением: зачастую по одному букварю обучались грамоте несколько человек; в год приходилось только шесть листов бумаги на одного ученика; одно перо на 10 учеников, один карандаш и одна тетрадь на 20 учеников.¹² Приходилось писать на досках, на полу, и даже на стенах. Примечательно, что, по сообщению печати, идеалом в деревне считалось следующее: для сельского хозяина - косы, топоры, пилы; для хозяек - подойники, серпы, ведра; для девушек - полусапожки, платки, чулки, материя; для молодежи - часы, материал на костюм; для охотников - двуствольное центральное боя ружьё, патроны; для всех - книги, портреты Ленина, бюсты вождя революции, особенно - тетради.¹⁴

И уже к середине 20-х гг. крестьяне говорили: «Мы заразились, как чесоткой, чтением газет. Как вечер, так нас и тянет на огонек - читать газету, потолковать о том, что в газете написано».¹⁵ Сельских жителей теперь интересовало все: вопросы политики, культуры, экономики; начинались беседы, возникали споры. Газета стала рупором крестьян, отражением их настроения. В газету писали, она стала неотъемлемой частью жизни деревенского населения, ее связью с миром и порой единственной возможностью решить накопившиеся проблемы: покупка хлеба, открытие кооператива, починка мостов. Так, только за июль 1925 г. в «Псковском пахаре» было опубликовано три заметки о необходимости отремонтировать мосты: в Новохованской волости Невельского уезда; Ленинской волости Себежского уезда, Усмынской волости Велижского уезда.¹⁶ В борьбе с неграмотностью сложной оставалась задача по вовлечению в школы и ликпункты женщин. Использовались многообразнейшие формы и приемы в работе с женским населением:

активисты обходили дома неграмотных крестьянок, убеждали их записываться и посещать ликпункты. Нередко при этом они встречали сопротивление консервативно настроенных мужей. Привлечение крестьянок к активной жизни осложняло и необходимость постоянной женской работы по дому, и уход за большим количеством детей. Чтобы облегчить посещение женщинами пунктов ликбеза, активистки порой брали на себя работу по уходу за их малолетними детьми в часы учебы; иногда специально для этого организовывались ясли для ребят младше трех лет. Например, в Псковской губернии работали летние сельские ясли. Однако не всегда женщины хотели нести в ясли детей до трех лет: они боялись, что будут брать высокую плату или вообще не отдадут детей. Но, когда им объясняли, в чем суть, крестьянки соглашались.¹⁷

Одной из эффективных форм работы по ликбезу стало добровольное общество «Долой неграмотность» (ОДН). На средства общества содержались ликпункты, приобретались книги и учебные пособия, в избах-читальнях оборудовались ленинские уголки, уголки грамоты. Степень охвата сельских жителей подпиской в библиотеках и избах-читальнях в 1921 г. в Псковской губернии составляла соответственно 4,4%, (по избам-читальням нет сведений); в Новгородской губернии - 10,3% и 17%; в Петроградской губернии - 3,7% (по избам-читальням нет сведений).¹⁸ В 1924/25 учебном году, например, на средства ОДН по всей России содержалось свыше 12 тысяч ликпунктов, 11 тысяч из которых находились в деревне.¹⁹

Большую роль в составе ОДН сыграли комсомольцы. На них возлагалась обязанность прежде всего позаботиться о том, чтобы не было неграмотных в их семьях. Они обязаны были агитировать своих домашних посещать ликбез, следить за ходом занятий в школе, помогать в учебе, от которой взрослые зачастую уклонялись. Настроение крестьян относительно борьбы с безграмотностью в общем можно охарактеризовать как скептическое.

Вовлечению крестьян в работу по ликвидации безграмотности способствовали

проводившиеся в деревне торжественные вечера, праздники. Большое воздействие оказывали широко применявшиеся различные формы морального и материального поощрения: розыгрыши в газетах, талоны на дополнительную порцию соли, керосина, мануфактуры, учебные пособия, письменные принадлежности.²⁰ В Торошинской школе Псковского уезда строилась спортплощадка; в деревне Хлубово Островского уезда крестьянская молодежь организовала имевшие большую популярность спектакли.²¹

Серьезное сопротивление работе по ликвидации неграмотности в деревне оказывали распускавшиеся слухи, преследования культурмейцев, запугивание крестьян. Так, в Псковской губернии неоднократно фиксировались слухи о том, что после обучения на ликпунктах с крестьян якобы будут взysкивать большие налоги.²² Естественно, что часть крестьянства настороженно, а нередко враждебно относилась к попыткам вовлечения их в культурную работу. В известной мере это объяснялось еще свежими воспоминаниями о периоде военного коммунизма и первыми шагами НЭПа, когда собирался неполный школьный налог и приходилось применять принудительные меры.

Но, несмотря на некоторые трудности в борьбе за ликвидацию массовой неграмотности, многие сельские жители, и особенно крестьянская молодежь, с энтузиазмом отнеслись к этой акции государства, что сказалось на необычайно высоких темпах роста грамотного населения в период НЭПа. Ликвидация малограмотности была в целом лишь начальным шагом в осуществлении идей культурного преобразования деревни. Встала необходимость создания новой системы народного образования, преобразования всего школьного дела на основе принятого 26 июня 1918 г. декрета Совнаркома «Об организации дела народного образования в Российской республике».

Школьное строительство в деревне осуществлялось по двум направлениям: 1) перестройка всего содержания обучения и воспитания детей на основе коммунистической идеологии; 2) создание новых сельских школ,

расширение сети имеющихся, вовлечение в школы детей преимущественно бедных.

Ведали школьным обучением детей губернские, уездные и волостные отделы народного образования Советов рабочих и крестьянских депутатов. При отделах народного образования создавались специальные советы по народному образованию, в состав которых входили представители общественных организаций, партии и комсомола.

Строительство новой школы в деревне было сопряжено со значительными усилиями и большим объемом работ, так как систему народного образования в целом приходилось создавать заново. Серьезным препятствием для организации сельских школ являлось как отсутствие учебных и письменных принадлежностей, так и нежелание самих крестьян участвовать в создании новых школ и отдавать туда своих детей. Трудности были и при финансировании из центра, и при самообложении крестьян на школьные нужды. Нередко имели место замечания со стороны местного населения. Так, в докладе члена Укома Обухова в Островском укоме РКП(б) в 1923 г. говорилось о «нареканиях на неправильное использование школьного самообложения. Они самообложение выполняли, а дети в школах не имели учебников, письменных принадлежностей и занимались в неотрестриментированном помещении».²³

Проблемой являлось и обеспечение самих учителей. Сельские преподаватели должны были быть обеспечены за счет местного бюджета помещением, освещением и отоплением, а если при школах не имелось квартир, то учителям давалась десятипроцентная надбавка к жалованью, а также ежегодно должен был быть двухмесячный отпуск. Однако на деле все это сопровождалось сложностями.²⁴

Недочетом при организации школ являлось и отсутствие программно-методических материалов. Не случайно сельским учителям чаще всего приходилось работать по учебным планам и программам, разработанным самостоятельно, или вовсе без них. Зачастую население деревень требовало

отказаться от преподавания общественно-политических наук и вновь перейти на «Закон Божий», отмененный в соответствии с декретом Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», а также вести предметы по старым учебникам. Помимо настойчивых требований восстановить преподавание «Закона Божьего» в школе многие крестьяне использовали ставший наиболее распространенным прием запрещения детям ходить в школу.

Несмотря на огромные сложности, учителя стремились к формированию интересов учащихся, пробуждали их инициативу к самостоятельности. Этому способствовали собрания, кружки, организованные при сельских школах, концерты и спектакли. Так, в газете «Юный пахарь» за декабрь 1925 г. рассказывалось о проходившем в Псковском уезде конкурсе гармонистов: «Баян - могучая сила в организации крестьянской молодежи. Баян - одно из средств оживления союзной работы», - говорилось в газете. Она же призывала молодежь не пить, не ругаться матом и заниматься физкультурой.²⁵

В период НЭПа значительно расширяется школьная сеть, но, школьных помещений для полного охвата детей учебной явно не хватало. Не случайно в связи с нехваткой помещений, а также педагогического персонала занятия проводились зачастую в две, а то и в три смены. Нередко уже имеющиеся помещения требовали капитального ремонта, на который у местных властей не было средств. В одном только Островском уезде, Псковской губернии, в 1925 г. в ремонте нуждались Добропольская школа («провалился пол, крыша течет, не ремонтировали долго, а когда сделали, то плохо»), Брюшковская школа («выбиты стекла»), школы в Халтуринской волости («большинство школ требует ремонта. Произведенный за последнее время ремонт оказался непрочным»), Логовская школа («клял кирпич печи, но плохо»), Комшанская школа, Невельского уезда («мебель, помещения пришли в негодность»)²⁶

Крайне тяжелое материальное и финансовое положение государства не позво-

ляло выделять в необходимом количестве средства даже на такой жизненно необходимый участок работы, каким является народное образование. Доля расходов из государственного бюджета на эти цели с 10% в 1920 г. сократилась до 2 - 3% в 1922 г.²⁷ Снятие учреждений народного образования с государственного бюджета и передача их на недостаточно окрепший местный бюджет привели к резкому сокращению как сети школ, так и контингента учащихся в них. Даже нарком просвещения А.В. Луначарский признавал: «Это было время, когда наша школа умирала на наших глазах, когда была забота, откуда дров достать, как учителя спасти от голодной смерти».²⁸

Решение сохранить школы было тем более важным, что из-за отсутствия в большинстве мест изб-читален сельские школы становились центрами культурно-просветительской работы среди крестьян. Здесь в свободное время собирались сельские сходы и крестьянские собрания, устраивались громкие читки и различные вечера, проводились занятия групп ликбеза и школ малограмотных, сюда приходили к учителям за разными книгами - «кто про пчел, кто про яблони, за лекарственными, детскими, революционными песнями и стихами...»²⁹

На базе сельских школ I ступени с трехлетним образованием создавались также школы крестьянской молодежи (ШКМ), как следствие поставленной задачи органической связи образования и повышения производительности сельскохозяйственного труда. ШКМ главное внимание уделяли производственному обучению и практической работе в хозяйствах.

Прямым продолжением подготовки школьников к жизни и труду являлось создание в деревне, начиная с 1922 г., школ с сельскохозяйственным уклоном. Эти школы I и II ступеней не давали профессионального сельскохозяйственного образования, но система обучения в них помогала учащимся осознать значение сельскохозяйственных работ, давала представление о трудовых процессах, связанных с землей, пробуждала интерес к работе в деревне. В условиях, когда не хватало агрономических

сил, школы с сельскохозяйственным уклоном зачастую становились опорными пунктами агрокультуры. Работа учащихся на пришкольных участках с использованием сельхозмашин убедительно демонстрировала крестьянам преимущества механизированного хозяйства. Отношение крестьян к этим школам было вполне доброжелательным, они нередко обращались в школы за консультациями по тем или иным вопросам агрономии.

Следует отметить, что организация и строительство сельских школ в годы НЭПа проходили в сложных условиях. В ряде мест население было настроено агрессивно, выступало против школ, распространяло различные слухи (как, например, о взимании непомерного налога за обучение), прибегало к провокациям, поджигали школы, дома учителей.³⁰ Только за вторую половину 1929 г. в целом по стране было зарегистрировано 213 случаев преследования сельских учителей и культурмейцев, в том числе 26 убийств.³¹

Следствием повышения уровня грамотности, роста культуры и интереса к общественной жизни стало изменение политического сознания людей. Просвещение создало благоприятные условия для активности крестьян, как политической, так и социальной. Наиболее показательным явилось отношение к всевозможным избирательным кампаниям по выборам в Советы, волисполком и пр. Если в начале 20-х гг. уровень активности был довольно низким, то конец 20-х гг. характеризуется более массовым участием в обсуждении вопросов, в реализации своих прав.³² Со временем в деревне складывается слой более грамотных лиц, имеющих известную административную подготовку, что давало им определенное преимущество над остальной массой сельских жителей.

Отношение сельского населения к культурному преобразованию деревни на протяжении 20-х гг. менялось: от слабого интереса патриархального крестьянства до активного участия политически грамотных людей. Растет культурная, социальная и политическая

активность населения, повышается интерес к образовательным учреждениям, детским и взрослым учреждениям, к печатной продукции. Рост грамотности повлиял на отношение крестьян как к местным органам, так и к Советской власти в целом. Если после окончания гражданской войны и перехода к НЭПу Советская власть была для крестьян лишь той властью, которая дала землю, защитила от возврата помещиков, то к концу 20-х гг. власть воспринималась ими положительно в основном во всех аспектах ее деятельности. В первые годы НЭПа низкий культурный уровень и слабая информированность крестьян о политике Советского государства в сочетании с недостатками в работе местных органов власти и особенностями крестьянского мировосприятия нередко приводили к тому, что крестьяне судили о Советской власти на основании плохой работы того или иного волисполкома и сельсовета и отождествляли ее с общей линией государства в деревне. К концу 20-х гг. создаваемый положительный образ в печати и активная политика местных активистов и культурмейцев привели к общему удовлетворению сельского населения Советской властью. В начальный период НЭПа крестьянство проявляло в основном слабый интерес к политике и культурной жизни; к началу же коллективизации в сознании крестьянства закрепились идея «своей» Советской власти, т.е. власти, в конструировании которой необходимо принимать самое активное и заинтересованное участие. В то время крестьянство в целом постепенно перестает судить о Советской власти по работе того или иного Совета или ВИКа; созданный образ говорит о том, что имеющиеся на местах недостатки и ошибки противоречат политической линии государства и могут быть исправлены при непосредственном участии самих крестьян. Как сказали участники крестьянской конференции в Ашевской волости, Новоржевского уезда, «власти другой нам не надо, но только власть должна внимательно изучать нужды мужицкие».³³

Примечания

1. *Элькина Д.Ю.* На культурном фронте. Из истории борьбы за ликвидацию неграмотности в СССР. М., 1959. С. 5.
2. *Козлов В.А.* Культурная революция и крестьянство. 1921-1927. М., 1983. С. 42.
3. Там же. С.43.
4. Там же. С. 44.
5. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Сб. документов за 1917-1947 гг. Вып. 2. М.-Л., 1947. С. 118.
6. *Козлов В.А.* Указ. соч. С. 45.
7. *Ким М.П.* 40 лет советской культуры. М., 1957. С. 42.
8. *Козлов В.А.* Указ. соч. С. 28.
9. Там же. С.65.
10. Псковский пахарь. 1924. № 24.
11. Псковский пахарь. 1925. № 28.
12. *Денисов С.Г.* Борьба партии за культурное преобразование деревни (1917 - 1937 гг.). М., 1981. С.57.
13. Псковский пахарь. 1925. № 27.
14. Псковский пахарь. 1925. № 29.
15. *Крупская Н.К.* Ликвидация неграмотности в деревне: Доклад на III Всероссийском съезде по ликвидации неграмотности // Коммунистическое просвещение. 1924. № 3/4. С. 80.
16. Псковский пахарь. 1925. № 47.
17. Псковский пахарь. 1925. № 26.
18. *Козлов В.А.* Указ. соч. С. 50.
19. *Денисов С.Г.* Указ. соч. С. 62.
20. Там же. С. 65.
21. Псковский пахарь. 1925. № 26.
22. ГАНИПО, ф. 1, оп.4, д. 151, л. 110.
23. Там же. Л.47.
24. Псковский набат. 1925. № 31.
25. Юный пахарь. 1925. Июль.
26. Псковский пахарь. 1924. № 34.
27. *Денисов С.Г.* Указ. соч. С. 82.
28. *Луначарский А.В.* О народном образовании. М., 1958. С. 237.
29. Псковский набат. 1925. № 32.
30. ГАНИПО, ф. 3, оп. 1, д. 385, л.2-3.
31. *Куманев В.А.* Революция и просвещение масс. М., 1973. С. 229.
32. ГАНИПО, ф. 1, оп. 4, д. 205, л. 230.
33. Псковский пахарь. 1925. 28 июня.